

УДК 1:316
ББК 60.027

РИСКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ: КОНЦЕПТЫ И ПРОЕКТЫ ¹

В.Б. Устьянцев

В статье рассматривается политическая жизнь современных рискогенных обществ: анализируется специфика политической власти и политического пространства, продуцирующих риски; рассматриваются ресурсные и ментальные структуры власти рискогенных обществ; выделяются новые аспекты исследования рисков в пространстве власти. Особое внимание обращено на персонифицированное отношение к рискам в пространстве власти и его последствия. В статье выделены различные проекты развития процессов управления в обществах нарастающего риска.

Ключевые слова: рискогенные общества, политический порядок, ресурсные и ментальные структуры власти, политический капитал, пространство власти, персонификация рисков, политическое проектирование.

Современное российское общество приобретает все новые свойства рискогенности. В связи с этим в социально-гуманитарном познании усиливается интерес к исследованию объективных процессов общества риска. Многие проблемы этой новой формы общественного устройства связаны с рисками в политической сфере, инициированными начавшейся модернизацией и транзитивностью социальных структур. Для выявления ведущих тенденций динамики рискогенных обществ весьма конструктивным является пространственный подход к анализу рисков власти. Концепт «пространство власти» все чаще входит в научные коммуникации, направленные на осмысление общества риска. Представляется существенным обозначить ресурсные и ментальные структуры пространства власти, где возникают самые различные рискогенные ситуации, влияющие на настоящее и недалекое будущее современных обществ. Нарастающие информационные ресурсы и новые общенациональные символы, предупреждающие об опасностях, все чаще приобретают политическую направленность и усиливают «тенденцию к политизации всех вопросов рисков» [5, с. 242].

Выдвигая проблему рисков в ресурсном пространстве власти, следует сконцентрировать внимание на институциональных, «полевых» и персонифицированных структурах этого пространственного бытия власти. Институциональные признаки ресурсного пространства власти своими истоками уходят в политический порядок. Этот порядок не ограничивается сферами должного во властных отношениях и включает рациональные и иррациональные установки общественных сил, политических движений, отдельных личностей по отношению к политическому строю. В транзитивном обществе рост нестабильности всей политической системы сказывается на политическом порядке, приводит к ослаблению структурных взаимодействий, нарастанию конфликтов, трансформации коммуникативных связей между субъектами в пространстве власти.

Изменение структуры политического порядка оказывает воздействие на всю систему целеполагания, где важная роль отводится политическим решениям. Последние выступают связующими звеньями между порядком общества, ресурсным пространством власти и рисками. Важные политические решения амбивалентны. С одной стороны, принимаемые решения выражают ресурсы власти, исходят из накопленного политического опыта, разработанных стратегий политической элиты по отношению к сложившейся ситуации, с другой – выражают состояние риска –

опасение, что задуманное может плохо кончиться для тех, кто принимает важное решение или исполняет его.

Решения или предписания, выдвинутые субъектами власти, реализуются в различных коммуникациях – в вербальном общении лидеров и ближайшего окружения, в институциональных структурах элит, тиражируются в средствах массовых коммуникаций. Решения в виде директивных установок становятся не только фактором регулирования установившегося порядка, но и фактором рискогенности политики. Видимо, именно в последнем контексте можно понимать определение политики, данное А. Бадью: «Политика – это *рискованная* (курсив наш. – В. У.), активистская, всегда отчасти неразделимая верность событийной сингулярности, управляемая предписанием, которое опирается лишь само на себя» [1, с. 115]. Самодостаточность предписаний политики во многом объясняет предельную значимость для власти именно политического пространства, где реализуются властные институциональные структуры. Принятие политических решений сочетается с рисками по различным вопросам власти. Чем уже круг лиц, принимающих важные политические решения, тем значительнее влияние отдельных экспертов и экспертных групп, отражающих в большей степени правила политической игры и в меньшей степени реальные потребности населения. В результате возникают риски, где корпоративные интересы выдаются за общегосударственные и общенациональные. Достаточно ярко это проявляется в российской стратегии модернизации, которая разрабатывается при непосредственном участии различных экспертных групп и «превращается из фундаментального общественного процесса в корпоративное предприятие, не может быть приемлема для широких слоев общества, причем не только традиционалистских, но и вполне либерально ориентированных» [6, с. 236]. Институционализация политических решений в виде национальных проектов приводит к давлению политического фактора на рыночную экономику, к нарушению баланса политических сил, к размежеванию стратегий федеральных и региональных властей, расхождению интересов политических элит и большей части гражданского населения.

Риски принимаемых решений по-разному действуют в относительно самостоятельных полях властного пространства и зависят от концентрации политических капиталов в обществе. Политические капиталы и политические силы выражают еще один «срез» ресурсного пространства власти. На сложную взаимозависимость структурных элементов пространства, власти и капиталов обращает внимание П. Бурдьё. Изменение структуры пространства он связывает с «различными видами власти или капиталов, которые имеют хождение в различных полях» [3, с. 56]. Политический капитал становится необходимым условием обладания властью. Теория пространства П. Бурдьё применима к ресурсному пространству власти России. *Во-первых*, понимая под политическим капиталом весьма широкий круг объектов – от вещественных факторов до социальных, административных ресурсов, ставших объектами и средствами власти, можно более обстоятельно выявить социально-экономические и социокультурные доминанты политического пространства современного социума. *Во-вторых*, материальные, интеллектуальные ресурсы и технологии управления образуют политический капитал властных элит, необходимый для принятия решений и переструктурирования пространства власти. Причем чем значительнее и объемнее политический капитал правящей элиты, тем больше возможностей у этого субъекта власти дистанцироваться от выдвижения общенациональных задач, переводя решение острых социальных проблем в русло политических игр и политической риторики. Особенно заметно появление рисков «избыточного» политического капитала (включая административные ресурсы) в периоды избирательных кампаний самых различных уровней. *В-третьих*, властное пространство – не статичное образование, а динамичное поле сил, «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов» [там же].

В таком контексте появляются новые аспекты исследования рисков в пространстве власти. Эти аспекты можно обозначить в форме тезисов: А) Чем плотнее пространственная концентрация политических сил, инициа-

руемых властью, тем значительнее риски корпоративного давления на общество. Эту рискогенную ситуацию А.С. Панарин обозначил как риски появления общества денационализованного меньшинства, дистанцирующегося от своего народа [7, с. 330]. Б) Каждая политическая сила отличается институциональной структурой, набором политических технологий, наличием лидеров, команды, электората, способных поддержать стратегические планы «своей» власти. В) Пространственные измерения и масштабы действия политических сил определяются политическими традициями территории («красный», «зеленый» пояса) и стратегическим курсом. Амплитуда действия политической силы в пространстве власти весьма широка и не сводится лишь к действиям, направленным на давление или подчинение населения стратегическим курсам. Ресурсы политических сил могут по-разному способствовать увеличению политического капитала правящих элит и других субъектов власти.

Политический капитал порой используется отдельными субъектами региональной власти для подпитки корпоративных и личных интересов, дискредитируя идею возрождения рискогенных территорий. Участвовавшие факты коррупции в верхних эшелонах региональной власти являются свидетельством рискогенности политических ресурсов в условиях правовой незащищенности политического пространства территорий. В свою очередь, ошибки «силовой политики» могут изменить политическую атмосферу и ценностные ориентации электората, усилить риски недоверия к лидерам политических движений и к стагнации политического влияния в пространстве власти. До тех пор пока общество не найдет эффективных средств гражданского контроля по использованию политического капитала правящими элитами, их дистанцирование от реальных запросов и нужд населения будет сохраняться. Одной из реальных форм такого контроля является совершенствование принципа разделения властей [4].

Следует особо выделить пока еще недостаточно изученный фактор персонифицированного отношения к рискам в ресурсном пространстве власти. Этот фактор приобретает самые различные оттенки: от мощного

психологического стремления к первенству, развитого чувства престижа, желания доминировать над чужой волей у одних до политической усталости, инфантильности, готовности подчиняться у других. В этом пространстве есть свой центр притяжения – стремление к власти. Внутренний властный потенциал индивида в сочетании с властными полномочиями, полученными от общества, приводит к утверждению личности политического лидера, выражает существенный ресурс политической и социальной власти. В процессе политического самоутверждения личность политика оказывается в весьма просторной галерее рисков: от рисков принятия политических решений до рисков утраты собственного политического имиджа. Рискогенная направленность политики, политической жизни в России влияет на политическое отношение индивида к рискам. Более того, риски могут выступать одним из способов проявления личного бытия.

Рискогенное поведение личности в политике разворачивается в дихотомии «рискофоб-рискофил». Политик-рискофоб оценивает риск с позиций успеха, благополучия, карьерного роста. Поэтому чаще всего он стремится избегать осознанных рисков как опасных, непредсказуемых ситуаций, не отваживается на принятие решений, способных негативно повлиять на его статус и место в политической иерархии. Происходит обесценивание риска как невыполнимой политической задачи. В результате неоправданная осторожность приводит к политическим потерям – возникшая в поле действия субъекта рискогенная ситуация усиливается, превращается в кризисный процесс, а сам политик утрачивает качества лидера. Нарастают чувства неуверенности в себе, усиливается неудовлетворенность своим окружением, появляются феномены риска бездействия. Постоянная минимизация усилий по преодолению рискогенных ситуаций приводит к перемещению рискофоба на периферию политического пространства.

Политик-рискофил в силу своих личных качеств – пассионарности, общительности, стремлений к острым ощущениям, как правило, открыт к рискам. Он способен создавать рискогенные ситуации, находить правильные решения и получать максимальную выгоду.

Для рискофила риск становится ценностью, способом бытия. Чаще всего политик-рискофил обладает значительным властным потенциалом. Внутреннее «Я» и внешний мир властных отношений рефлексированы и контролируются личностью в зависимости от места в пространстве власти. Феномены самовласти выражают особую психологическую оболочку личности. Личностное восприятие и отношение к риску социально обусловлены. Если в индивидуальном плане преодоление риска для личности – это самоутверждение, то в социально-политическом контексте главное для политика в преодолении риска – это достижение коллективной безопасности в самых различных формах проявления. Рискофил может быть переполнен чувствами сострадания к тем, кто стал жертвой террористического акта, но чувства, эмоциональные всплески в сознании политического лидера не могут быть самоцелью отношения к рискам – необходимы политические решения по минимизации рисков. В пространстве власти особое значение приобретает преодоление «зон риска» политическими средствами. Институциональная защита от терроризма становится полем личной ответственности президента, представителей властных структур, конкретной личности за реализацию стратегии безопасности, где личностное отношение к глобализирующимся рискам детерминировано потребностями общества в самосохранении и устойчивом развитии.

Весьма сложная структура ресурсного пространства власти становится источником возникновения самых различных рискогенных моделей поведения, не поддающихся однозначной оценке или универсальной минимизации. В реальной политике личность, оказавшись в ситуациях риска, по-разному испытывает на себе влияние дихотомии «рискофоб-рискофил». В одной ситуации риска политический лидер, шире – институциональный человек, может вести себя осторожно, остро ощущая тревожное состояние, бессознательный страх, что «все может плохо кончиться». В другой ситуации неопределенности и надвигающейся опасности на место неуверенности приходит готовность политика рисковать и добиваться успеха. И в этом случае позитивные установки и профессионализм становятся политическим

ресурсом. Иными словами, дихотомия «рискофоб-рискофил» из социально-психологической плоскости под влиянием объективных обстоятельств перемещается в ресурсное пространство власти.

Особое воздействие на динамику рисков в пространстве власти оказывают ментальные структуры субъектов политики. Ментальные риски в самых различных рискогенных ситуациях становятся центрами пересечения социально-психологических, социокультурных, коммуникативных факторов, сопровождающих властные отношения между индивидами. Исходными социально-психологическими феноменами акторов ментальных рисков, вовлеченных в политическую жизнь и особым образом выражающих свое отношение к власти, выступают состояния «мы» – «они». Феномены «мы» в пространстве советской России, в дальнейшем в СССР, возникли под воздействием внешнего враждебного окружения. Отличаясь достаточно простыми, сходными мотивами массового поведения, установками, настроениями по отношению к власти, «мы» выталкивает негативные чувства вовне, адресуя их мистифицированному «они». Источниками рисков, социальной опасности, возможности агрессии в такой ситуации биполярной оппозиции всегда становятся «они». Если «мы» ассоциируется с реальным пространством в границах конкретной общности, то «они» могут быть повсюду – в ближайшем и дальнем окружении, в настоящем и прошлом. Исходные социально-психологические феномены «мы» – «они» становились надежным политическим ресурсом в истории России в годы политических репрессий, испытаний на прочность государственного строя в период войны с фашизмом. Впитывая доступные и однотипные стандарты политических действий, заложенные системой, политическая психология людей, основанная на ментальности «мы», становилась надежным элементом стабилизации политического порядка, поддерживаемого мистической верой в его справедливость и нерушимость.

В постсоветском пространстве оппозиция «мы» – «они» претерпевает изменение. Для старших поколенческих групп населения, менталитет которых сформировался в годы социализма, привычные символы «мы» и

«они» экстраполируются на психологическое пространство власти современного российского общества. Стереотип «они» перемещается на правящую политическую элиту. Персонификацией «они» становятся политические лидеры, с именами которых сознание старших поколений ассоциирует просчеты и неудачи в экономическом развитии постсоветского общества, снижение жизненного уровня, превышение смертности над рождаемостью. В действительности восприятие рисков в пространстве власти с позиций биполярной оппозиции «мы» – «они» не охватывает всего многообразия духовных феноменов пространства власти и составляет лишь один из «сюжетов» ментальных рисков во взаимодействии различных субъектов власти.

Современные ментальные риски связаны с глубинным уровнем индивидуального и коллективного сознания и охватывают напряженные состояния жизненного мира, вызванные переоценкой существующей системы ценностей. Импульсами ментальных рисков становятся социальные настроения, вызванные ухудшением среды обитания, негативными последствиями модернизации. Не достигая предвидимого результата в своих действиях, социальные субъекты наталкиваются на ментальный «вакуум», который порожден тем, что сформировавшиеся стандарты поведения, некогда устоявшиеся традиции теряют свою конструктивность и порождают хаос мыслей и действий. Ментальные риски связаны с духовным кризисом, разрушением устойчивых социальных стереотипов. Выражая стихийные формы недоверия к неустойчивым политическим, морально-правовым структурам порядка общества риска, субъекты ментальных рисков инстинктивно или осознанно тянутся к политическим центрам стабильности, декларирующим или реально гарантирующим новый цивилизационный порядок.

Многоплановый анализ устойчивых тенденций распространения рисков в пространстве власти предполагает привлечение других исследовательских горизонтов. Один из таких теоретических горизонтов связан с разработкой уровней и форм проектирования возможных социально-политических и социокультурных механизмов управления политическими рисками в обществе риска. Парадоксаль-

ность познавательной ситуации заключается в том, что весьма значительный опыт проектирования социотехнических систем в классических проектах (включая системное проектирование) к обществу риска применим весьма относительно. Проектная идея, проектный замысел и сам проект в отношении к новой реальности напоминают жернова, перемалывающие воздух. Проектная идея, обращенная к объекту (обществу риска), в лучшем случае сталкивается с устойчивыми феноменами (системными рисками) пока еще становящегося социального объекта. Поэтому идея проекта либо ориентируется на метафору общества риска, либо на концепт-ценности, «добытые» в исходных процедурах концептуализации. Двигаясь к проектному замыслу познания новой реальности, субъекты гуманитарного проектирования, отказавшись от принципов классического (социоинженерного) проектирования, делают упор не на «системный», а на «жизненный мир» как образ, наиболее приемлемый к обществу риска. На этом пути они вынуждены учитывать установки неклассической рациональности. В этом дискурсе жизненного мира и жизненного пространства осознается относительность любой системы проектирования, основанной на рациоустановках, усиливается ценностная составляющая образа мира, связанная с отказом «от права проектировать жизненные миры, кроить и перекраивать чужие жизни» [9, с. 57]. Оставаясь в проблемном поле неклассической рациональности, проекты общества риска могут быть востребованы при успешной реализации проектной идеи. И здесь речь может идти о гибком сочетании метафорических и ценностных установок, сформировавшихся с учетом опыта философской рефлексии рискогенного общества.

Сконструированная философским сознанием метафора общества риска интегрирует в образной форме рискогенные процессы в политической сфере общества, порой драматизируя, как это свойственно для экзистенциальной философии и социальной эсхатологии, разрушающую роль рисков для бытия человека. Вместе с тем неклассическая философия риска выходит на метафору-предупреждение, когда образ общества риска отражает реальные опасности, с которыми уже сегодня сталкивается мировое сообщество или ему

придется столкнуться с ним в ближайшие десятилетия. Метафора общества риска – это предугадывание негативных последствий компьютеризации, глобализации для человеческого существования, предупреждение от излишней идеализации информационного общества как общества гармонии и гуманизма. Еще в большей степени модель общества риска в целом или отдельные ее элементы становятся предупреждением о непредсказуемых последствиях технизации нашей жизни. По справедливому утверждению К.С. Пигрова, «в новой технике, с помощью которой мы пытаемся предотвратить новые вызовы техносферы, момент риска еще более усиливается» [8, с. 66].

На стадии перехода проектного замысла на уровень проекта общества риска, как одного из вариантов развития информационного общества, можно говорить о разных альтернативных моделях, которые предполагают различные пути обращения к проблемам будущего, разработку альтернативных стратегий управления политическими рисками в процессе появления разных сценариев рискогенных ситуаций.

По мере нарастания рискогенности общественных процессов происходит повышение сложности многоуровневых социальных систем, увеличение состояний неопределенности в политической сфере жизни. По утверждению специалистов-рискологов, «общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасности» [2, с. 165]. Глобализация ситуаций риска в сочетании с нарушением стабильности и устойчивости развития в отдельных странах требует отхода от традиционных форм управления сложными социальными системами и разработки новых проектов управления рисками. В этой связи, обращаясь к концептуальным основаниям неклассического проектирования, можно предположить появление трех проектов:

Проект I. Жесткая институционализация в становящемся обществе риска может сопровождаться не только усилением контроля над частной жизнью граждан, но и контролем над национальными информационными потоками и инфострадами. Властвующие элиты, олицетворяя политический облик постинституционального общества, обладая информацией как новым

инструментом политической власти, возможно, будут стремиться установить информационный контроль над сознанием граждан, воздействовать на духовные матрицы электората. Расширение поля действия институциональных структур в обществе риска неизбежно будет встречать противодействие со стороны новых интеллектуалов, воспитанных на традициях книжной культуры и инновациях посткнижной культуры. В нарастающем противостоянии, выходящем за пределы национальных интересов отдельных стран, возможно появление глобальных политических рисков, непредсказуемых для судеб человечества.

Проект II. Возможен в регионах, с запазданием вступающих в постиндустриальную стадию. В таких диффузных обществах с неустойчивым политическим и правовым порядком, подверженным институциональному кризису, кризису управленческих стратегий, нарастают институциональные риски, выпадающие из поля компетенции политико-правового порядка. Общество, не успевшее создать инновационно мыслящие и действующие управленческие элиты информационного типа, переходит в стадию системных рисков. Риски превращаются в социальную катастрофу и приводят к утрате национальной безопасности.

Эти проекты построены на абсолютизации негативных политических рисков, связанных с однонаправленной деятельностью институционального порядка. В действительности пространство власти не может существовать без влияния социокультурных компонентов, ценностных ориентаций субъектов власти, ориентированных на сотрудничество и взаимопонимание. Творческие элиты, благодаря усилиям которых культурные стандарты и гуманистические ценности вовлекаются в управление рисками, будут стремиться изменить ход событий. Поэтому возможен еще один, наиболее вероятностный проект демократизации пространства власти общества риска.

Проект III. Противостояние властвующих и интеллектуальных элит в обществе риска преодолевается посредством развития многоуровневой системы консенсусной демократии. Минимизация политических рисков основана на перераспределении сфер полити-

ческого влияния, где статусные группы, обладающие основными средствами для предупреждения тотальных политических рисков, действуют в правовом поле законов и культурном поле посттрадиционных ценностей. Консенсусный путь оптимизации риска характерен для субъектов рискованных действий, оказывающихся связанными единым жизненным пространством, долгосрочными обязательствами, общими целями распределения политических ресурсов. Появление все новых рисков неизбежно, но их преодоление или минимизация происходит в устойчивом политическом и культурно-правовом пространстве, созданном совместными усилиями элит и средних слоев общества.

Признавая целесообразность проектирования будущих состояний современного общества и его политического порядка, исследователи в области социального проектирования будут обращаться к новым разработкам в области философской концептуализации общества риска, в свою очередь мозговые атаки на будущее должны быть скорректированы с национальной доктриной развития российского общества. В настоящее время эта доктрина наиболее полно представлена стратегией национальной безопасности страны. Обращенность стратегии национальной безопасности в будущее, эффективность ее реализации во многом зависят от взаимодействия множества факторов, включая дальнейшую разработку концепции политического пространства общества риска.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Конструктивные и деструктивные формы социализации молодежи» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.» (ГК 02.740.11.0592).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадью, А. Краткий курс метаполитики. Можно ли мыслить политику? Метаполитика / А. Бадью. – М. : Логос, 2005. – 240 с.
2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // Thesis. – 1994. – Вып. 5. – С. 161–168.
3. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – М. : Социо-Логос, 1993. – 336 с.
4. Кузнецов, И. И. Политические механизмы разделения властей в современной России / И. И. Кузнецов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – 360 с.
5. Луман, Н. Самоописания / Н. Луман. – М. : Логос, 2009. – 320 с.
6. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / отв. ред. В. Г. Федотова. – М. : ИНФРАН, 2010. – 274 с.
7. Панарин, А. Народ без элиты / А. Панарин. – М. : Алгоритм, 2006. – 352 с.
8. Пигров, К. С. Техногенная цивилизация и риск / К. С. Пигров // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления. – Саратов : Саратов. источник, 2009. – С. 56–68.
9. Теория и жизненный мир человека. – М. : ИФРАН, 1995. – 206 с.

RISKS IN A SPACE OF POWER: CONCEPTS AND PROJECTS

V.B. Ustyantsev

The article deals with the political life of contemporary riskogenic societies: specific character of political power and political space producing risks is analyzed; resource and mental structures of power in riskogenic societies are examined; new aspects of studying risks in a space of power are defined. Special attention is drawn to personalized relation to risks in a space of power and its consequences. The author highlights various projects on development of management processes in societies of growing risk.

Key words: *riskogenic societies, political order, resource and mental power structures, political capital, space of power, personification of risks, political planning.*